

Докучаев И. И.
I. I. Dokuchaev

**ТРАНСГРЕССИЯ И РЕДУКЦИЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И КУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**TRANSGRESSION AND REDUCTION: INTEGRATION OF SOCIAL
SCIENCE&HUMANITIES, AND CULTURAL STUDIES AS A POTENTIALLY
INTEGRATIVE DISCIPLINE**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchaev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена анализу способов интеграции различных социально-гуманитарных наук и перспектив культурологии как интегративной науки. Рассматриваются два способа интеграции: трансгрессия и редукция. Первый способ – выход за пределы дисциплинарного пространства определенной науки с целью создания метанауки; второй – сведение принципов одной науки к другой. Редукция рассматривается как продуктивный путь развития науки вообще и культурологии в частности, поскольку она позволяет сохранить принципы исходной науки и обновить ее за счет редуцируемого к этим принципам знания, принадлежащего другой науке.

Summary. The paper deals with the analysis of ways of integrating various social sciences and humanities, and with the perspective of cultural studies to become an integrative discipline. The two ways of integration are considered: transgression and reduction. The former means going beyond a certain science and creating a meta-science. The latter is a reduction of the principles of one science to another. Reduction is considered here as a promising way of the development of science in general and cultural studies in particular, because it allows to keep the principles of one discipline and enrich them by the knowledge belonging to the other science, that is being reduced to the first one.

Ключевые слова: трансгрессия, редукция, культурология, наука, интеграция знания, междисциплинарность.

Key words: transgression, reduction, cultural studies, science, knowledge integration, interdisciplinary.

УДК 303.01

Модернистские научные проекты уходят в прошлое. Еще недавно создавать новые науки было модно и неизбежно. Ведущей ценностью эпохи Модернизма было отрицание традиции и утверждение нового только потому, что оно новое. Существовал ли предмет у новой науки, был ли этот предмет сколько-нибудь теоретически или практически значим, – не являлось важнейшим обстоятельством среди причин ее возникновения. Главным было – начать движение с нуля, заявить о том, что новое знание имеет право на особую дисциплину, будь то подразделение в ряду других наук или позиция вне всякого имеющегося дисциплинарного пространства. Пафос отрицания присущ модернистским наукам настолько же, насколько им присущ пафос утверждения. Каждый программный автор новой науки стремился подчеркнуть не только новизну его программы, терминологии, концепций, методов, но и

значимость их, равняющуюся новому взгляду на мир, без которого развитие науки больше невозможно. Модернистская наука была наполнена теоретическим оптимизмом, который сродни оптимизму ребенка, открывающего мир. Однако в отличие от античного научного проектирования, носившего исключительно умозрительный характер, модернистские проекты претендовали на большее – на решение извечных проблем практического характера. Они были критическими и говорили о том, что в состоянии по-новому, но более продуктивно, чем раньше, ответить на традиционные вопросы и дать возможность поставить новые, формулировка которых в силу концептуальной мощности нового знания окажется более корректной, а ответы – более достоверными.

Культура – структура исторической памяти всего человечества и отдельного народа. *Memory studies* позволяют взглянуть на нее как на метафору основных свойств человеческой памяти и сравнить отдельные периоды истории с ее состояниями. В самом деле, духовная сторона культуры есть неотъемлемая ее часть, содержащая смыслы и ценности любого артефакта, включая материальный мир. Технологические и функциональные смыслы артефактов, ценностные порождающие модели культуры – все они по существу своему, по онтологическому статусу представляют собой формы памяти, а память, в свою очередь, может быть рассмотрена как комплекс состояний и категорий, известных не только психологам, но и обычному пользователю. Это такие категории: собственно память, воспоминание, забвение, отсутствие памяти, тоска по прошлому, ностальгия, предвосхищение будущего, надежда.

Традиционная культура, основанная на воспроизведении артефактов по известному образцу, всегда отличалась особым почтением, даже страстью к прошлому. Это была культура Памяти, тогда как Модернизм – это культура Забвения. Однако абсолютное забвение невозможно. Нельзя родиться в первозданном мире, непосредственно представшем перед невинным взором человека. Всякому созерцанию мира предшествует прошлое, обеспечивающее бытие этого созерцания. Прошлое пронизывает настоящее, обеспечивая его сознание и трансформацию. Прошлое неотделимо от настоящего и более подлинно, чем оно. Отрицать прошлое можно лишь в ходе принятия его как своего рода антиобразца для создания нового, то есть полностью следуя правилам построения этого антиобразца. Результат любого отрицания изоморфен ему по существу, меняются лишь акценты. Поэтому культура Забвения оказывается возможной благодаря культуре Памяти, а модернистская наука полностью заимствует все характеристики и достижения науки традиционной. Конечно, традиционная наука не столько создавала новые дисциплины, сколько искала новые основания для старых. Новизна легитимизировалась лишь в силу очевидной необходимости, она диктовалась логикой исследований. Модернизм провозгласил новизну важнейшим основанием для появления новой науки. Однако все разговоры о том, что неклассическая наука чем-то отличается от классической, почему-то упускают из виду важнейшее для подобного обсуждения обстоятельство, связанное с их сходством. Так, суждение о том, что введение в науку субъективного фактора в рамках герменевтики, квантовой механики, феноменологии присуще лишь неклассической науке, явно преувеличено, ибо именно классическая наука в основание своих исследований положила субъективный принцип, обоснованный ее родоначальником Рене Декартом. И все же сходство классической и неклассической науки выходит на поверхность лишь в эпоху Постмодернизма.

Культура Постмодернизма не есть что-либо принципиально отличающееся от культуры Модернизма, однако отличия между ними существуют. Ценность новизны переосмысливается в эту эпоху так, что теперь новым оказывается хорошо забытое старое. Культура Постмодернизма – культура Ностальгии. Кризис противостояния прошлому сменяется индифферентизмом по отношению к любому конфликтному процессу, то есть конфликт не разрешается, а застывает как еще один штрих к сложной картине мультикультурного бытия. Всякая идентичность лишается права на утверждение, но именно поэтому приобретает право на существование. И вот, на место неклассической науки приходит постнеклассическая, сущ-

ность которой заключается в приятии всего, что было в прошлом, в отрицании модернистского отрицания, то есть в интегративности и междисциплинарности. Дифференциация наук, начавшаяся еще Аристотелем, завершается во второй половине XX в. интеграцией. Посмотримся внимательнее к существу этого явления.

Времена расцвета науки прошли. Классическая эпоха завершилась в XX в. кризисом рациональности, вызванным невероятным ростом научного энтузиазма, чрезмерным доверием к творчеству и человеческой личности. Социальные революции, приведшие к ужасающим формам насилия и основанные на рационализации традиций, либо на неверно и преувеличенно истолкованном праве ученого на изменение мира, рост потребления природных ресурсов и загрязнения окружающей среды, демографические проблемы, угрозы глобальной ядерной катастрофы или войны, неясные перспективы научных открытий в различных областях, от технического конструирования до генетики, – все это разнообразные проявления кризиса ценности разума, – одной из ключевых ценностей креативной культуры. Развитие научного знания в XX в. приобрело разнонаправленный характер. С одной стороны, утилитарные потребности общества массового благосостояния потребовали от науки перемещения ее интереса в сферу сугубо утилитарную. Ценность научного достижения стала равняться его практической значимости. Забвение теории приводит к забвению самих основ научного поиска, ибо его существо – в бескорыстном удивлении перед многообразием мира, в попытке создать адекватную картину этого мира, точно уловить и передать на языке типизации целостный характер этого многообразия. С другой стороны, наука стала агрессивно вторгаться во все сферы человеческого существования, подвергать теоретизации даже то, что никогда нельзя познать настолько, чтобы сделать по этому поводу обоснованную программу контроля или изменения. Сложно научно управлять обществом, развитием личности, культуры, рекомендовать человеку, как и что ему делать. Все это – сфера ценностных ориентаций, и традиционно связывалось с религиозным опытом или политической идеологией. Наука, пытаясь вмешиваться в подобные сферы, пропитывается ценностными ориентациями, мифологизируется и начинает представлять серьезную угрозу как для ценностного мира, так и для подлинно рациональной деятельности. Еще одна проблема науки – ее распад на глухие друг к другу дисциплины, неизбежно связанный с накоплением информации конкретного плана, недоверием (характерным для позитивизма) к теории и широким философским обобщениям.

Интеграция науки была одним из важнейших ответов на вызовы только что описанного кризиса. Во-первых, интеграция преодолевала междисциплинарную непроницаемость научных концепций; во-вторых, она требовала мощного и адекватного современной сложности науки теоретического аппарата; и, наконец, она сглаживала противоречия и агрессивные претензии тех или иных научных стратегий. Однако сама интеграция происходила не одинаково, это также был сложный и многогранный процесс.

Объединять что-либо можно по-разному. Можно, например, построить нечто более крупное и включить в его состав объединяемые явления в качестве частей или вариантов. Можно же посмотреть на одно под углом зрения другого, присоединить его к нему. Первый способ объединения я называю трансгрессией, второй – редукцией. Трансгрессия – отрицание каких-либо границ, то есть специфики любой из объединяемых наук; редукция есть отрицание специфики только одной науки в пользу другой. В ходе редукции происходит приращение научного знания, а в ходе трансгрессии – лишь его обеднение, ибо в первом случае, новое знание образуется за счет метафоризации, а во втором – новое знание лишь результат аналитического абстрагирования уже имеющихся общих компонентов объединяемых концепций.

Всякое объединение в форме обобщения – трансгрессия – это выход за границы того или иного объединяемого явления, это отказ от его специфических дисциплинарных претензий и, в конечном счете, разрушение их. Обобщая два понятия, мы отбираем общее среди их содержаний и отказываемся от специфического. В результате мы получаем понятие с большим объемом и с беднейшим содержанием. Так происходит и тогда, когда мы объединяем две

науки. Новая наука окажется с большим предметом и с бедным знанием о нем, именно поэтому такую науку всегда будут упрекать в том, что собственного предмета у нее нет. Так, философию, отказавшуюся от собственного предмета и претендовавшую на некое обобщение всех наук, представители конкретного знания справедливо стали изображать пугающим жупелом, способным разве лишь на то, чтобы быть учебной дисциплиной в начальной школе, знакомящей детей в популярной форме с основными тенденциями развития подлинной науки.

Однако возможен и иной путь обобщения двух дисциплин – редукция. Это происходит тогда, когда результаты одной науки переводятся на язык другой. Такой путь представляет собой глобальную метафоризацию одной науки средствами другой. Иными словами, термины и концепции разных наук сравниваются и базовая наука, с помощью своего методологического аппарата, начинает выражать содержание науки-донора. В этом случае возникает новое знание, которое в силу собственной неопределенности обладает эвристическим потенциалом. Эта неопределенность может содержать много интересных открытий, но может оказаться лишь туманом, скрывающим уже известные вещи или просто банальности. В том случае, когда между наукой-донором и базовой наукой действительно имеются сходства, это обстоятельство в состоянии породить подлинное новое знание, но если термины базовой науки начинают притягиваться к предмету науки-донора в силу абстрактных аналогий, возникает лишь пустая схематизация живого разнообразного материала, которая остается совершенно бесплодной.

Базовая наука в таких процессах, как правило, представляет собой новый терминологический каркас, содержание которого не очень обширно. Этот каркас и создается для того, чтобы упаковать содержание науки-донора и тем самым обогатить свое собственное. Наиболее яркими примерами подобного являются феноменология и семиотика. В основе феноменологии лежит представление о феномене как о первичном знании, полученном из самой вещи без посредников в лице какой-либо культурной, в частности, научной, традиции. Феномен обладает двухчастной структурой «инвариант – вариация», в которой инвариант (сущность) находится за пределами опыта и гипостазируется, а вариации (явления) образуют бесконечно разворачивающийся горизонт синтезируемых способов данности сущности. Если рассмотреть тот или иной предмет науки как феномен, мы получим прирост феноменологического знания. Однако все его предметы уже были рассмотрены до феноменологии, и результаты этого рассмотрения невозможно не принять во внимание. Фактически вместо того, чтобы заново исследовать предмет, феноменолог вынужден был упаковать уже известное знание о нем в феноменологическую оболочку. Эта упаковка зачастую оказывалась не внешним аксессуаром, который можно безболезненно для сути предмета удалить и выбросить, но новым его смысловым слоем. Особенно интересен феноменологический подход в науках о человеке, обществе и культуре, в которых ни один предмет не может быть описан без привлечения к делу способов его производства и потребления, то есть такой предмет по своей природе является феноменом и открывает исследователю много нового именно благодаря феноменологическому аппарату. Однако имела место и формальная схематизация предмета в терминах феноменологии, ничего нового о предмете не открывавшая, но производившаяся ради полноты системы.

Семиотика возникла как метаязык, созданный по модели естественного языка. В отличие от феноменологии, стремившейся выработать собственный методологический аппарат, семиотика настаивала на том, что лингвистический метод нужно просто гиперболизировать и использовать в ходе описания нелингвистических объектов. Предпосылкой подобных действий служила аксиома, гласившая, что всякий артефакт культуры представляет собой речевое высказывание, созданное на основе языковой модели, описать которую позволяет семиотический метаязык. Таким образом, семиотическое исследование представляло собой метафоризацию знаний о культуре в терминах лингвистики: поиск парадигм и синтагм, фонем, лексем и пропозиций, речевых структур и языковых моделей. В том случае, когда семиотический метаязык накладывался на ту или иную знаковую систему, он давал прирост

знания о ней. Так, исследование символических коннотаций: костюма, жилища, рационов питания, утвари, искусства, дает много интересных данных о характере функционирования этих явлений. Однако некритическое применение лингвистической семиотики, сведенной лишь к вторичным моделирующим язык знаковым системам, не только не порождает нового знания о предмете, структура которого не похожа на языковую, но и искажает понимание его сущности. Так, поиск фонем, лексем и пропозиций в артефактах пространственных форм заставляет искать дискретные временные структуры, образующие означающие условных знаков там, где имеется пространственный континуум, смысл которого абсолютно естественен и не требует никаких социальных конвенций для его интерпретации. Нелингвистическая же семиотика пока не добилась серьезных результатов в ходе исследования предметов других наук, а лишь обогатила собственное содержание. От того, что мы все назовем знаком, ничего нового о том или ином знаке мы не узнаем, но зато прибавим знание о знаке как таковом.

Возможны случаи, когда в качестве каркаса базовой науки используются не столько новые схемы, сколько конкретные достижения традиционной науки. В качестве примера подобных редукций можно рассмотреть исторический материализм и психоанализ. Исторический материализм представлял собой стадию в истории развития экономической науки. За плечами его терминологии и концепций стояла большая традиция, поэтому сами по себе методологические каркасы истмата были наполнены обширным содержанием и не нуждались в каком-либо обогащении за счет других наук. Истмат по-новому расставлял акценты в том материале, который всегда являлся предметом экономики. Теперь оказывалось, что развитие производительных сил представляет собой производящую модель по отношению к производственным отношениям, то есть обществу, и в значительной мере по отношению к духовной культуре (искусству, науке, религии). Экономическая редукция многое объясняла, но еще больше обстоятельств благодаря этой редукции просто искажались. Открытие существенной роли материальной культуры в истории объясняло важнейшие аспекты исторической динамики общества и культуры. Однако построенная на ее основе схема исторического процесса, представленного как смена социально-экономических формаций оказалась для него прокрустовым ложем, а футурология истмата, основанная на представлениях о победе пролетариата над буржуазией в классовой борьбе, характерной для современной классикам марксизма исторической ситуации, просто привела к ничем не оправданному росту социального насилия и обреченным на провал социальным экспериментам тоталитарного характера. Очевидно, что эксплуатация человека человеком не преодолевается социальными экспериментами, основанными на насилии, но лишь ростом материального благосостояния, перспективы которого остаются весьма и весьма проблематичными и никак не связаны с уничтожением частной собственности.

Еще одной универсальной отмычкой проблем социально-гуманитарных наук стал психоанализ. Его история сродни истории истмата, ибо психоаналитические конструкции суть лишь смена акцентов в ходе длительной традиции изучения психики человека. Структура психики, представляющая собой метафору гидравлического пресса, создающего с двух сторон – со стороны природы и культуры – давление на сознание, позволила вылечить многие неврозы, но, будучи с параноидальной последовательностью примененной к истории культуры, лишь создала новые мифы, а не объяснения реального положения дел. Классический психоанализ свел все содержание бессознательного к сексуальным влечениям и резко противопоставил их культуре. Вся природа человека оказалось утраченной благодаря подобной оппозиции. Она по сути своей была сведена к неврозу, ибо лишь невротическое сознание обладает подобной шизоидной раздвоенностью. Все, что дал психоанализ социально-гуманитарным наукам – это диагнозы: инцестуальные влечения Эдипа, Электры и братьев Карамазовых, гипертрофированная сексуальная агрессия, комплекс вины шаманов и Моисея, а также многие другие редукционистские мифы. Здоровый человек – это не животное, наделенное инстинктами, и не компьютерная программа, лишенная всякой связи с жизнью. Специфика положения

Докучаев И. И.

ТРАНСГРЕССИЯ И РЕДУКЦИЯ: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

человека в космосе заключается в его субъективной, то есть уникальной и свободной природе, модифицирующей все рефлексы, связывающие его с предками из мира животных.

Культурология – типичный постмодернистский проект. Она возникла в России и с самого начала задумывалась как интегративная наука. В отличие от культурной антропологии, она была обращена ко всем историческим периодам, а не только к архаике, а в отличие от социальной антропологии – не только к социальным структурам. Характер междисциплинарности Культурологии до сих пор остается неопределенным. Более того, большинство теоретиков склоняются к мысли о том, что культурология – трансгрессивная научная практика. Бесперспективность подобной практики уже обсуждалась выше, она подтверждается и со стороны критиков Культурологии, остроумно называющих ее «Симулякром третьего порядка» или сравнивающих с интегративной наукой о природе – Природоведением. Это тупиковый путь, годный лишь для того, чтобы писать учебники для вводных курсов к подлинно научному изучению конкретных наук о культуре. Без обретения собственного предмета Культурология обречена, с одной стороны, на всеядность и диффузию, то есть растворение в конкретных исследованиях, ничем не связанных между собой кроме внешним образом наклеенного на них ярлыка-рубрикатора, а с другой – на бесконечное теоретизирование вокруг понятий культуры и науки о ней.

Другой путь – редукция знаний наук о культуре к ее собственной, специфической концепции и терминологии. Многочисленные редукции, описанные выше, могут быть использованы для создания этой концепции и терминологии. Однако все они так или иначе либо сводят культуру к одной из ее граней и упускают из виду остальные (психоанализ, семиотика, истмат), либо определяют культуру внешним образом, исключая существо, интегрирующую сердцевину ее бытия (феноменология). На заре самоопределения социально-гуманитарного знания вопрос о его специфике уже был решен в виде аксиологического проекта. Именно аксиология вскрывает существо места человека в мире. Система ценностей – подлинное содержание этого существа. Она не есть научная абстракция, извлеченная из реального мира культуры, но есть конкретный интеграл культуры и его порождающая модель. Редукция всех наук о культуре к аксиологии должна стать подлинным раскрытием потенциала культурологии, а не новой искажающей реальное положение дел схематизацией.

Перспективы Постмодернизма проблематичны. Ценности потребления в их экстенсивном (массовом) или интенсивном (индивидуализированном) варианте ведут к истощению среды существования человека. Новая культура – Постпостмодернизм – связана с ценностями ограничения; будущая культура, пользуясь терминологией *Memory studies*, будет культурой Надежды или культурой без будущего. Очевидно, что одной из форм этого самоограничения станет и редукция науки к интегральным, существенным для бытия человека ее разделам. Ничто в мире человека не является более существенным, чем его ценности; ради них он способен на отрицание наиболее полезного для себя дара – жизни, ибо ценность может располагаться, и зачастую располагается по ту сторону жизни и смерти. Исследование ценностей есть подлинно экзистенциальная проблема, если понимать экзистенцию как специфический способ бытия человека, культуры и общества. Культурология понятая как аксиология есть экзистенциальная наука, открывающая интегральное существо исторического процесса, его порождающие модели, его реальность и интервалы между идеалами и реальностью. Перспективы такой редукции нельзя переоценить. Важнейшей из них является возможность для Культурологии стать первой социально-гуманитарной наукой новой исторической эпохи Постпостмодернизма.